

ПРОБЛЕМА ВОЗДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРЫ НА НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ: ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ

Русина О.В.

ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный технический университет», Ульяновск, Россия (432027, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32), e-mail: SyabukovaOlga@yahoo.com

В статье рассмотрен вопрос воздействия социума и культуры на научное познание, выделены его формы и модели, разрабатываемые в отечественной и зарубежной истории, социологии и философии науки. Проанализированы подходы в понимании степени воздействия социума на науку в постпозитивистской философии науки, один из которых ставит в этом воздействии социокультурные факторы на первое место, а второй относит их на задний план, оставляя первенство за когнитивными факторами. С данными подходами соотносятся две методологические стратегии в изучении науки – интернализм и экстернализм. Проанализированы уровни воздействия общества на науку, выделенные в отечественной философии науки, – социальная природа познания, социокультурная обусловленность познания и социокультурная детерминация научного знания. Затронут вопрос об эпистемологическом статусе науки, тесно связанный с проблемой автономии науки. Сделан вывод об изменении содержания понятия детерминации от классической формы к неклассической.

Ключевые слова: философия науки, интернализм, экстернализм, социальная обусловленность познания, социокультурная детерминация науки.

THE PROBLEM OF SOCIAL AND CULTURAL INFLUENCE ON SCIENTIFIC KNOWLEDGE: BASIC MODELS

Rusina O.V.¹

¹Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, Russia (432027, Ulyanovsk, street Severny Venez, 32), e-mail: SyabukovaOlga@yahoo.com

In the focus of the author's attention there is the question of how society and culture influence on scientific knowledge. The author also analyzes the forms and models of this influence, which are defined in Russian and foreign history, sociology and philosophy of science. The approaches of the degree of the mentioned influence on science in post-positive philosophy of science are examined as well. One of them sets sociocultural factors into first place, and the other one moves it aside and puts in the forefront cognitive factors. The two methodological strategies in study of science correspond with the two approaches. They are internalism and externalism. The author regards the levels of the society influence on science defined in home philosophy of science. They are social nature of knowledge, sociocultural conditionality of knowledge and sociocultural determination of scientific knowledge. The question of epistemological status of science is also touched in the paper, and it is closely connected to the problem of scientific autonomy. In the conclusion the author tells that the content of the concept of determination is changing from classic to non-classic form.

Keywords: philosophy of science, internalism, externalism, social conditioning of knowledge, sociocultural determination of science.

Традиционно в философской рефлексии наука рассматривалась как познавательная система. Однако кризис позитивизма и возникновение постпозитивистских течений и антисциентистской традиции приводят к повороту в изучении и осмыслении науки как подсистемы культуры и исследованию влияния на нее социокультурной обстановки. Наука предстает как культурно обусловленное явление, и субъектом научной деятельности выступает не абстрактный индивид, а индивид, сформировавшийся в конкретный исторический период в конкретном обществе, которому присущи свои определенные ценности и нормы. Они предшествуют всякому познанию, выступая как некое «заданное»

видение мира, и это видение «задается» обстоятельствами именно социокультурного характера.

Проблема социокультурного влияния на научное познание порождает следующие вопросы: оказывают ли в принципе социокультурные факторы детерминирующее воздействие на развитие научного познания? Если такое воздействие существует, то какова степень и глубина этого влияния на познавательные процессы? Каков его механизм? Почему в условиях такой детерминации наука приобретает особый эпистемологический статус, отличающий ее от всех других видов познавательной деятельности?

На отечественную философию науки советского периода значительное влияние оказал марксизм, ведущим положением которого было положение о социальной обусловленности познания. В связи с этим в отечественной философии науки мысль о социокультурной обусловленности познания имела характер аксиомы.

На Западе в неопозитивистской версии философии науки (О. Нейрат, Р. Карнап, М. Шлик, Ф. Франк) отрицалась сама возможность влияния вненаучных социокультурных факторов на познавательный процесс, включая метафизику, под которой понималась философия. Вследствие этого проблематика, связанная с культурной детерминацией знания, была исключена из сферы методологической рефлексии.

В постпозитивистской философии науки вопрос о социокультурной детерминации научного познания занимает значительное место. Причем степень и глубина взаимодействия культурных и социальных факторов с научным познанием и знанием оценивается исследователями по-разному. Интерес к вопросу о социокультурной детерминации научного познания в неклассической эпистемологии так велик, что некоторые исследователи даже говорят о «социологическом перевороте» в философии науки [7]. В первую очередь это относится к так называемому «историческому направлению» в философии науки (Дж. Агасси, Т. Кун, С. Тулмин, П. Фейерабенд и др.).

В противоположность неопозитивистской концепции науки «историческая» школа сделала акцент на признании предпосылочного знания мировоззренческого характера, на осмыслении органической связи мировоззренческих установок с научным знанием. Сторонники «исторической» школы пришли к выводу, что в реальной практике научно-познавательного процесса исследователи руководствуются неявными концептуально-мировоззренческими установками, которые определяют способ выбора и построения научных теорий.

В постпозитивистской философии науки оформились два направления в понимании степени воздействия социальных и культурных факторов на научное знание. Оба они связаны с историческим взглядом на науку. Первое, представленное концепциями

фальсификации К. Поппера, научно-исследовательскими программами И. Лакатоса, моделями развития науки у Дж. Агасси, Л. Лаудана, исходит из того, что социокультурные факторы как некий «фон» научного познания активно взаимодействуют с когнитивными процедурами, однако детерминирующее воздействие на научный проект оказывают исключительно когнитивные факторы. Научная рациональность обладает внутренней историей, в которой социокультурные факторы не определяют развития научных идей и в качестве объясняющих могут привлекаться только тогда, когда речь идет о внешней истории науки, то есть истории ее институтов, а не самого научного знания.

Второе направление, напротив, на первое место ставит социокультурные детерминанты, не проводя различия между внешней и внутренней историей науки. Представители данного подхода — Т. Кун, С. Тулмин, П. Фейерабенд, К. Хюбнер — утверждают, что без экспликации социокультурных факторов нельзя осуществить объяснение не только внешней, но и внутренней истории науки, то есть социально-культурные факторы оказывают непосредственное детерминирующее влияние на процесс производства научных знаний. Вследствие этого невозможно в принципе провести жесткую демаркацию между внутренней и внешней историей науки.

Такая позиция соотносится с экстерналистской методологической программой в объяснении развития науки (противоположная позиция представлена интернализмом), утверждающей, что наука как система знаний и социальный институт является органической частью культуры, поэтому испытывает с ее стороны влияние. Экстерналистские версии истории науки варьируются от упрощенных моделей динамики научного знания в форме социального заказа до перехода к выявлению более тонких и сложных механизмов влияния культуры на науку.

Истоком экстернализма и идеи о социокультурной обусловленности познания послужила прочная традиция социологии науки: К. Маркс, Э. Дюркгейм, М. Вебер, К. Манхейм. В 1930-е гг. происходит наиболее мощная попытка реализации экстерналистской программы в историографии науки (Б. Гессен, Дж. Бернал), а в 1970-х гг. – в социологии и философии науки (Т. Кун, П. Фейерабенд, М. Полани, К. Хюбнер и др.).

Проблема степени и глубины воздействия социума и культуры на науку находит свое отражение в том, что обе методологические программы – экстернализм и интернализм – имеют «ослабленную» и «сильную» версии. Сильная версия интернализма представлена позитивистской традицией, игнорировавшей социокультурную детерминацию научного познания. Слабая версия обнаруживает себя в ряде постпозитивистских концепций философии науки (К. Поппер, И. Лакатос, С. Тулмин), которые признают влияние

социокультурных факторов на научное познание, но они рассматриваются как интегрированные в логику объективного роста знаний.

Что касается экстернализма, то его ослабленная версия представлена, в частности, в концепции американского социолога Р. Мертона, утверждающего, что целью социологии науки является выявление социальных условий и мотивов исследовательской деятельности. В основе сильной версии – утверждение, что для роста научного знания решающими являются процедуры его социального конструирования в деятельности ученых в лабораториях, цепочки их решений и обсуждений, их коммуникации, осуществляющие выбор той или иной концепции. В итоге познавательные процедуры сводятся к социальным отношениям исследователей. К сильной версии экстернализма относится идея социального конструирования знания из внешних культурных ресурсов – П. Бергер, Т. Лукман – конструктивистская программа; Г. Гарфинкель – этнометодология; К. Кнорр-Цетина – этнография науки.

В итоге переоценка роли социальных и культурных факторов в научном познании и знании в постпозитивистской философии науки дала толчок бурному развитию такой области исследований, как социология научного знания. Среди исследователей, работающих в этом направлении, можно выделить следующих: М. Малкей, Р. Коллинз, П. Бергер, Т. Лукман и др., в работах которых разворачивается программа социального конструирования научного знания из внешних – языковых, символических, культурных ресурсов [4-6].

По мнению некоторых исследователей [2; 3], в сущности, нет противостояния между двумя направлениями – интернализмом и экстернализмом, ибо обоим направлениям присуще одинаковое понимание социальности: влияние общества на науку выражается в воздействии внешних факторов, в обмене результатами деятельности. Так возникают две истории науки: история логики развития научного знания и социальная история, реконструирующая взаимодействие науки с обществом через внешние факторы.

В отечественной философии науки советского периода проблема влияния культуры и социума на научное знание наиболее активно разрабатывается Е.А. Мамчур. Размышляя о проблеме социокультурной детерминации научного знания, она выделяет три типа и уровня воздействия социума и культуры на научное познание, различающихся между собой характером воздействия и степенью влияния [7].

Первый уровень представлен *социальной природой познания*. Данный подход признает субъектом познания человеческое общество на том или ином этапе его развития, а отдельный индивид может включаться в познавательный процесс лишь после овладения им выработанными обществом материальными и духовными орудиями и средствами познания. В итоге социокультурные факторы играют роль предпосылок познавательного процесса. Тем

самым социальная природа познания фиксируется как необходимая предпосылка познавательной деятельности, без которой невозможен процесс познания.

Развивая указанный подход, Я.К. Ребане ввел понятие «социальной памяти», под которой понималась накопленная в ходе социокультурного развития информация, зафиксированная в результатах практической и познавательной деятельности людей. Эта информация передается с помощью социокультурных средств и выступает основой индивидуального и общественного познания на каждом конкретном этапе исторического развития общества. Подобным образом М.А. Розов в рамках концепции «социальных эстафет» определяет науку как механизм централизованной социальной памяти, которая аккумулирует практический и теоретический опыт человечества и делает его всеобщим достоянием.

Второй уровень, представленный более глубокой и тесной связью между познавательным процессом и социокультурными факторами, выражается понятием *социокультурной обусловленности познания*: «...социокультурные факторы вовлекаются в самую ткань научного исследования, ... они в той или иной форме включаются в процесс формирования научных теорий, ... невозможно провести сколько-нибудь определенную границу между научным знанием и социокультурным окружением, ... оно через философию, мировоззрение, картину мира, идеалы научного знания оказывает влияние на познавательный процесс» [7].

В тезисе о социокультурной обусловленности научного познания утверждается конкретно-исторический характер типа влияния социума и культуры на науку. Это влияние изменяется по содержанию и силе воздействия на каждом этапе развития научного знания вместе с изменениями в системе культуры. Оно существует помимо более слабого и присущего любому периоду развития научного знания фона социальной природы познания, накладываясь на него.

Для отечественной философии является очевидным, что влияние экономических факторов на научное знание многократно опосредуется контекстом духовной культуры. В этой связи усилия исследователей были направлены на поиск промежуточного звена – тех каналов, через которые наука взаимодействует с этой культурой.

В частности, М.С. Козлова рассматривает в качестве основного канала, через который осуществляется взаимодействие науки и культуры, философские идеи. А.П. Огурцов полагает, что это – идеалы научного знания, которые обеспечивают трансляцию методологических норм и регулятивов в широкий культурный контекст. В.С. Степин утверждает, что основным каналом воздействия культуры на науку является блок оснований научного знания, т.е. идеалы и нормы научного познания, научная картина мира и философские основания науки. Л.А. Микешина в качестве таких каналов выделяет методы

научного познания и стиль мышления, которые оказывают воздействие не только на познавательный процесс, но и определяют результат познания.

Третий уровень – *социокультурная детерминация научного знания* – предполагает, что социальные факторы играют роль «механизмов развития научного знания, его "движущих сил", они определяют внутреннюю логику развития науки» [7]. Тезис о существовании социокультурной детерминации научного знания является более узким по сравнению с утверждениями о социальной природе познания и его социальной обусловленности, однако более сильным.

По оценкам Е.А. Мамчур, в отечественной литературе различие между социокультурной обусловленностью и социокультурной детерминированностью научного знания не было проведено достаточно четко, многие авторы отождествляли социокультурную обусловленность и детерминированность научного знания.

Однако, как показал В.С. Степин [8-10], далеко не все элементы научного знания, не все его понятия, идеи и методы являются социально и культурно обусловленными. Он утверждает, что мировоззренческий статус могут приобрести лишь те понятия науки, которые так или иначе соотнесены с основаниями научного знания. Конкретно-исторический анализ всех трех типов воздействия социокультурного окружения на науку, проводившийся в отечественной методологии, не привел к установлению их четкого различия и квалификации.

Приводимые в качестве примеров якобы детерминирующего воздействия общества и культуры на научное знание случаи параллелизма между научными идеями и интеллектуальными течениями в других сферах культуры обычно не представляется возможным однозначно интерпретировать [7]. Объяснения в духе каузального воздействия культуры на науку, как правило, не выдерживают критики. В этой связи для интерпретации случаев параллелизма исследовательницей было предложено ввести представление об ином - по сравнению с каузальным - типе отношений, а именно – связь по типу синхронизации. Данный тип связи представляет собой акаузальные, но полные смысла и значения связи. Исследовательница утверждает, что именно связь по типу синхронизации характерна для взаимоотношения между научными идеями и параллельными им интеллектуальными течениями той или иной эпохи.

Вопрос об особом эпистемологическом статусе науки тесно связан с проблемой автономии науки. В позитивистской версии философии науки провозглашалась автономия научного знания на основе отрицания воздействия на научное познание социокультурных детерминант. Что касается постпозитивистских концепций научного развития, то эту линию продолжили исследователи, провозгласившие, что главное воздействие на развитие науки

оказывают именно когнитивные факторы. В такой интерпретации развития научного знания возникало две истории науки – внутренняя и внешняя, а социальные и культурные факторы оказывают влияние лишь на внешнюю историю науки. Так сохранялась автономия науки и ее особый статус в социуме. Такая методологическая позиция воплощена в концепциях И. Лакатоса, К. Поппера, Л. Лаудана.

Второе направление на первое место ставило социокультурные детерминанты, не проводя различия между внешней и внутренней историей науки. Наука считалась полностью детерминированной факторами социокультурного характера и, таким образом, теряла автономию, подчиняясь им. Тезис о социальной детерминации научного познания в конце XX века был усилен сторонниками «сильной программы» социологии знания, которая была сформулирована в конце 1970-х - начале 1980-х гг. группой историков и социологов науки Эдинбургского университета (Д. Блур, Б. Барнс, Г. Коллинз, Д. Маккензи, Дж. Генри) [1]. Эти авторы исходят из того, что социально-культурные факторы присутствуют на всех уровнях научного познания, детерминируют не только форму, но и содержание знания. Они предлагают отказаться от сужения сферы социологического подхода, ограничивающего его компетенцию исследованием науки как социального института.

В итоге в конструктивистской программе, развитой П. Бергером и Т. Лукманом, в этнометодологии Г. Гарфинкеля, ставшей основой для этнографии науки (К. Кнорр-Цетина), теоретическое знание не отделяется от повседневного, а традиционная модель социальной обусловленности знания заменяется идеями «социального конструирования» реальности и знания. Таким образом, стирается линия демаркации научного и вненаучного познания, что позволяет сторонникам данного подхода говорить о том, что наука в эпистемологическом плане не отличается от других форм познания, что означает потерю наукой особого статуса.

В связи с существованием двух подходов к данной проблеме Е.А. Мамчур предлагает, учитывая все историко-культурные трансформации науки, продолжить поиск инварианта, который позволит определить науку как отличную от других форм познания [7]. По мнению автора, в контексте рассматриваемой проблемы значимым выступает вопрос о критериях оценки и отбора теорий. Если в познании действует фильтр парадигмально независимых критериев, то социокультурные факторы не играют роли самостоятельных детерминант развития знания, их действие находится под контролем научных норм. Напротив, если действующие в познании стандарты научности предстают парадигмально зависимыми и изменяются вместе со сменой парадигмы, тогда представляется невозможным реконструировать научное познание как автономное. Исследовательница предлагает реабилитировать идею о существовании кумулятивного аспекта в развитии научного знания, но на радикально-антипозитивистских позициях. При этом выделяется два уровня

кумуляции: категориальный смысл терминов и теоретически нейтральный язык наблюдения, которые лежат на границе между теоретическим знанием и другими сферами мыследеятельности.

Во второй половине XX века развитие методологии и истории науки привели к крушению представления о всеобщности и объективности научного метода, вылившись в идеи парадигмальности, историчности, социологичности, конструктивности как самого процесса познания, так и всех его результатов. Традиции и методы философии и социологии науки в их различных вариантах послужили теоретической основой для формирования социальной истории науки — одной из важнейших программ постижения природы естественных и социальных наук. Специфика социокультурного анализа заключается в том, что он нацелен не на когнитивные процессы, а на нормативно-ценностную структуру научной деятельности, на смысловую ее связь с системой жизнедеятельности исторического субъекта.

Кроме того, важно отметить, что меняется само понимание детерминации: от классической формы (в классической науке и философии) с жесткими каузальными связями до связей между наукой и социумом по типу синхронизации и нелинейной динамики научного знания, учитывающей наложение различных уровней взаимодействия науки и культуры друг на друга – в неклассической науке и философии.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
2. Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. – 2002. – № 5-6 (35). – С. 162-185.
3. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. – 1282 с.
4. Малкей М. Наука и социология знания. – М. : Прогресс, 1983. – 256 с.
5. Мамчур Е.А. Проблемы социокультурной детерминации научного знания (Дискуссии в современной постпозитивистской философии науки). – М. : Наука, 1987. – 125 с.
6. Маркова Л.А. Интернализм – экстернализм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / И.Т. Касавин. – М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 291-292.
7. Степин В.С. Философская антропология и философия науки. – М. : Высшая школа, 1992. – 191 с.

8. Степин В.С. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации (в соавт. с Кузнецовой Л.Ф.). – М. : ИФРАН, 1994. – 274 с.
9. Степин В.С. Теоретическое знание. – М. : Прогресс-Традиция, 1999. – 390 с.
10. Яковлев В.Ю. Проблема культурно-мировоззренческой детерминации знания в философии науки // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. - № 84. – С. 29-36.

Рецензенты:

Бажанов В.А., д.филос.н., профессор, Ульяновский государственный университет, г.Ульяновск.

Чекин А.Н., д.филос.н., профессор, Ульяновский государственный технический университет, г.Ульяновск.